

Марк Розовский:

Каждому зрителю мы возвращаем его вклад с процентами

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА Необычный спектакль под названием «Песни нашего двора» в прошедшем театральном сезоне представили сотрудникам Сбербанка России актеры Театра у Никитских ворот. Вместе с актерами зрители пели, смеялись и даже танцевали. Вспоминая 60-70-е годы, актеры перенесли конференц-зал Сбербанка России на улицы московских дворов.

Сегодня о Театре у Никитских ворот рассказывает его руководитель Марк Розовский.

Анна Прокофьева

«Сбережения»

— Честно говоря, рассказывать о нашем театре — дело совершенно неблагоприятное. К тому же обязательно начнешь хвастаться. Сейчас открываем 19-й сезон. Он просто хорош тем, что девятнадцатый. Во-вторых, это канун 20-го. Мы приближаемся к своему юбилею. Когда-то Немерович-Данченко предрекал любому театру неминуемую гибель после 10 лет существования. Он говорил, что более 10 лет театр жить, развиваясь, не может. Им овладевает рутинка, возникает мертвенность, в коллективе начинаются дрязги, и театр разваливается. Я считаю своим достижением, что наш театр переживает в этом смысле не просто период «молодой зрелости», но, надеюсь, что последнее слово еще долго будет оставаться не сказанным.

К счастью, мы сумели избежать многих бед, которые должны были на нас нахлынуть по каким-либо объективным причинам. Быть может потому, что наш театр мы построили на пустом месте. Он родился из самодеятельного кружка, который возник при Центральном доме медиков. Мы прошли все этапы роста. Сначала были любителями, затем, в 1986 году, стали профессиональным театром-студией, работающим на полном хозрасчете. Во время перестройки от государства мы не получили ни копейки. Наконец, в 1991 году мне сказали, что «эксперимент удался» и теперь наш театр станет государственным. Театр? Мне дали листок бумаги с официальным разрешением заниматься театральной деятельностью и сказали: «Вот тебе театр!». Но это было очень своевременно. Театр был уже хорошо известен не только в Москве, но и по всей стране. Нам необходимы были хоть какие-нибудь средства для дальнейшего развития. Я считаю, что именно в этот период строительства здания и были заложены основы нашего театра. Конечно, решающим были не только деньги, но и талантливый коллектив, который удалось создать. Это было очень не просто. Сегодня тоже удерживать аудиторию сложно, но я могу с уверенностью сказать, что театр прошел серьезный путь и, как говорится, потом и слезами оплатил и покрыл каждый сантиметр этого маленького пространства.

Каждый год мы выпускаем по два-три новых спектакля в сезон. Сегодня в репертуаре около тридцати названий. Из новых спектаклей могу назвать «Вишневый сад».

— Какие люди или события в творческой жизни столицы произвели на Вас особое впечатление за последние два года?

— В первую очередь я, конечно, с головой погружен в собственное дело. Каждый, как говорится, творит на своем огороде. Сегодня принято считать, что театр находится в кризисном состоянии. Нет новой мощной драма-

тургии, которая бы отражала жизнь общества, во всем ищется коммерческий смысл, потребность в серьезном искусстве ослабевает. Массовая культура давит своей агрессивностью и бессодержательностью. А это, на самом деле, очень серьезные признаки нашего всеобщего одичания. Вот, например, относительно недавно прошла Театральная олимпиада. Все было очень пышно, карнавалом. Сделано было великолепно, деньги были вложены немалые. Все это прекрасно. Театр выплеснулся на улицы, но... На мой взгляд, театр — это не тусовка, это даже не мастер-класс для непосвященных. Театр не должен быть подчинен обыденному времяпрепровождению с помощью артистов; которые тебя тешат и развлекают. Когда-то поэт Саша Черный сказал: «Скоро будет тошнить даже от одного слова «юмор»!» Я ни в коем случае не хочу кого-либо обижать, но у меня есть определенное беспокойство по поводу того, что любое искусство превращается в наше время в обычную потеху. Русское искусство прежде всего глубоко духовно, оно должно быть обращено к чувствам, настраивать на сопереживания. Русский театр должен оставаться психологическим. Сегодня происходит очень много событий. А я считаю, что театр для человека должен быть потрясением, а не событием. В этом своего рода беда нашего времени — событий много, потрясений нет. Приходя в театр, человек должен быть вовлечен во все происходящее на сцене, он должен с головой окунуться в театральном мире.

время такие спектакли, как «Дядя Ваня» и «Вишневый сад».

— Помимо таланта, какими еще качествами, на Ваш взгляд, должен обладать актер?

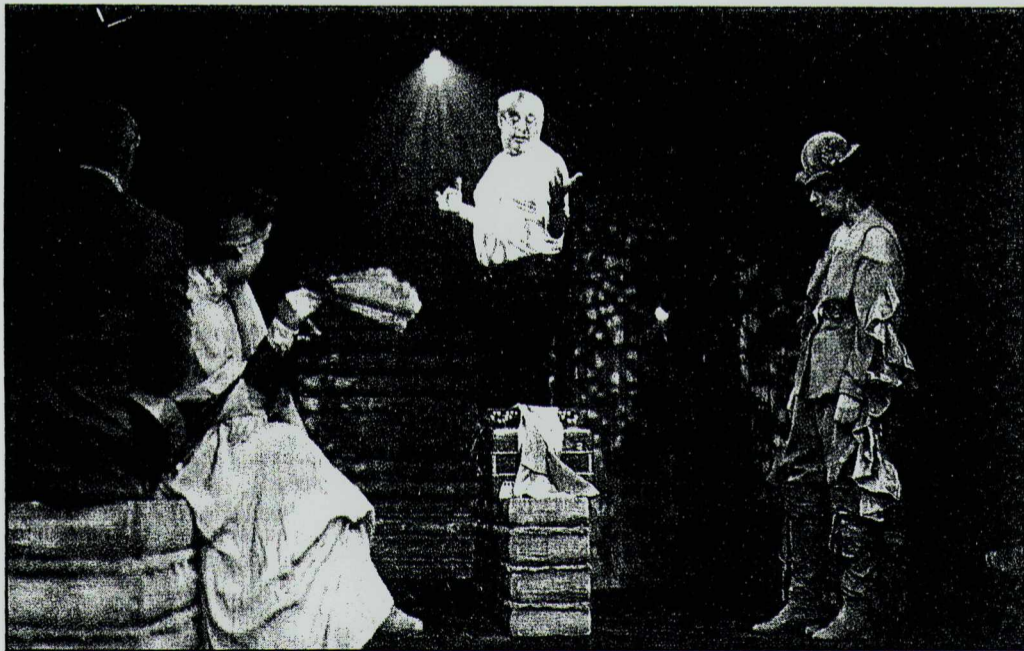
— Вы даже себе не представляете, сколько в наше время есть талантливых людей. Однако одного таланта недостаточно. Больше всего я ценю умение грамотно им распорядиться. Очень много людей попросту спустили свой дар в мусоропровод. Много талантов загораются как звезды, но очень быстро гаснут, как бенгальские огни. Сегодня ведь можно создать звезду, вложив в нее деньги. Но у каждой творческой личности должно быть постоянное стремление развиваться и пости-

есть мастера! А необходимыми слагаемыми личности, на мой взгляд, являются интеллект, внутреннее чувство меры, вкус.

— Какому сценическому амплу Вы отдаете предпочтение? И каким видите самого себя?

Идеал моего актера — это синтетический артист. Это значит, что сегодня он может быть акробатом, паяцем со взрывом эмоций, прекрасно петь, изображать пантомиму, а завтра он также профессионально может играть в глубоко психологическом спектакле спокойного и рассудительного героя. Мне нравится разнополюсный театр, разножанровый, во всех его проявлениях.

Что же касается конкретно

Наш театрик маленький, но очень живой. Мы стараемся, чтобы на наших спектаклях зрители и плакали, и смеялись, и сочувствовали. Моя театральная доктрина, если можно так сказать, это — «живой академизм». Это многообразие жанров, которые мы представляем в нашем театре. У нас вы можете увидеть и «убойный» мюзикл, такой, например, как «Гамбринус», который вот уже 13 лет не сходит со сцены и каждый раз собирает полные залы. И в то же

меня, то, скорее всего, я — дурачок, который «интеллектуалит», если можно так сказать, или же интеллектуал, который дурачится. Сложно сказать... Не только у меня, но и у любого человека есть множество масок. Любимая же та, в которой ты сегодня. Лицедей не отдает предпочтение чему-то конкретному. Если он творит, если он живет, если он свободен и легок, он будет разным.

— В каком сценическом образе Вы представляете банкира, фи-

нансиста? И как, на Ваш взгляд, нужно играть роль вкладчика?

— Не так давно я поставил в Израиле пьесу о банкире по одному из рассказов Чехова «Пари». Пьеса об одном банкире, заключившем своеобразное пари на вечеринке с одним из гостей на то, что он отсидит 15 лет в тюрьме. Суть в том, каким он выйдет после этого срока заключения. Очень интересно получилось, рекомендую посмотреть.

А вообще я считаю, что банкир — это прежде всего человек с головой, который никогда этой головой не теряет. Он умеет рационально мыслить и поступать. Это человек, на мой взгляд, лишенный какого-либо безумства. Он может быть романтичным, но большей частью ему все же присущи хладнокровие и расчет. Однако он не должен быть циничным. Потому что если все время расчет, расчет, расчет, то можно превратиться в механизм, а банкир должен всегда оставаться человеком. Никогда не надо этого забывать. Чехов в одном из своих рассказов писал, что необходим человек с молоточком, который бы постоянно напоминал окружающим о том, что как бы тебе ни было хорошо сейчас, как бы ты ни был богат, молод, здоров, всегда помни, что рядом с тобой есть человек, который не имеет всего этого, и, может, ему нужна твоя помощь.

Что же касается вкладчика, то, к сожалению, в нашей стране это слово звучит не слишком гордо. Хотя я сам являюсь вкладчиком Сбербанка России. Вкладчика я сравнил бы сегодня с Отелло. Ведь самая большая беда Отелло, трагедия его характера, если можно так сказать, заключалась в том, что он был очень доверчив. Правда, Отелло убил Дездемону, а наши вкладчики ждут какого-то отчисления со стороны государства. Я ни в коем случае не призываю к кровопролитию. Я просто хочу сказать, что для того, чтобы вкладчик охотно шел в банк, надо вернуть ему веру.

Если же говорить о театре, то в нем я являюсь банкиром, а зрители — вкладчиками. Зритель купил билет на мой спектакль, сделал свой маленький вклад в мой театр, а я ему возвращаю вклад с процентами, но только в духовном эквиваленте. Кстати, вот еще одно доказательство уникальности театра.

— Марк Григорьевич, легко ли Вам, как руководителю Театра, находить общий язык с банкирами, финансистами?

— Банкир — фигура в этом смысле абстрактная. Мы все время смотрим на него, как на нечто могущественное, способное нас чем-либо одарить, поэтому замираем в ожидании, заглядываем ему в глаза, стараемся понравиться. Существует еще одна наивная форма общения — ты с ним выпей, и все проблемы решены. Я всегда смеюсь, когда такое слышу. Во-первых, если он захочет выпить, я думаю, он сам найдет себе компанию, так же, как и я. Во-вторых, мне кажется, что таким людям нравится не только та жизнь, которую они видят на сцене, но и закулисная суэта. Для меня банкир точно такой же человек, как и любой другой зритель. И я думаю, что если он захочет прийти в театр, он, как и все, купит билет на спектакль и придет. Конечно, есть люди, на которых хочешь произвести впечатление, но исключительно своим искусством, а не заискиванием.

Когда Театр у Никитских ворот исполнял «Песни нашего двора» в Сбербанке России, публика очень хорошо реагировала. Нам понравилось выступать, это замечательная аудитория, живая, интеллигентная, с хорошим настроением, с юмором. Для нас это очень важно, нам это очень дорого.

Сбережения — 2001 — сент. (№3) — с. 8